

Хайнц тут же подошёл вплотную. Его высокое тело наклонилось, и он бережно обнял этого бледного, исхудавшего человека, тихо прошептал на ухо: «Всё хорошо, дорогой Антино, я понимаю. Что бы ни случилось, я буду с тобой. Интим здесь ни при чём. У нас общее дело — для таких, как мы, это и есть способ выразить чувства, верно?»

Антино помолчал, затем вздохнул: «Но у тебя же есть Джек?»

Хайнц рассмеялся: «Это никак не влияет на твоё место в моём сердце».

В этот момент дверь распахнулась. Джек вошёл, катя перед собой инвалидное кресло, и увидел, как они тесно обнялись. Его лицо дрогнуло, и он замер на пороге.

Лин Цзыхань, уловив неладное, приоткрыл глаза и повернул голову.

Джек смотрел на двух мужчин, будто бы не замечавших ничего вокруг. Выражение его лица оставалось спокойным, но в глазах полыхал гнев.

Хайнц стоял к нему спиной и, хотя услышал звук открывающейся двери, не шевельнулся — видимо, слишком дорожил этим объятием. Антино, уткнувшись лицом в его грудь, тоже ничего не видел и даже не слышал лёгкого шума.

Джек смотрел на широкую спину Хайнца, на тонкие руки Антино, обхватившие его талию, и ревность пылала в нём всё яростнее, едва поддаваясь контролю.

Наблюдая за этой сценой, Лин Цзыхань прояснил мысли. В голове молниеносно прокручивались возможные связи между этими тремя.

Сомнения зародились в нём уже давно. Если человек в кресле и вправду Антино, то прежние разведанные, скорее всего, ошибочны. По сравнению с Хайнцем, в этом человеке куда меньше убийственной хватки и фанатизма. Как же тогда он мог быть лидером «Создателей»? Может, Антино просто разыгрывает перед ним роль? Или же Хайнц из любви намеренно выдвинул его вперёд, на первую роль, а сам довольствуется вторым номером? Знает ли Джек правду? Действительно ли он любит Хайнца? Он и вправду из ЦРУ? Если да, то перешёл ли он на сторону Хайнца из-за чувств или же у него иные цели? Доверяет ли ему Хайнц?

Согласно первоначальному плану, сигнал следовало подать сразу после идентификации Антино. Но теперь, в гуще сомнений, он не был уверен. План можно было трактовать как поимку главы «Создателей», а не конкретно Антино. Так кто же был истинной целью?

Его мозг лихорадочно работал, и вскоре измученные, истерзанные нервы, доведённые до предела, начали посылать сигналы тревоги, а затем, защищаясь, попросту отказались работать. Всё завертелось перед глазами, мир поплыл, и ему пришлось снова закрыть веки.

Джек смотрел на эту пару, забывшую обо всём на свете, и не решился на грубость. С каменным лицом он прошёл мимо, взял Лин Цзыхана с кровати и усадил в кресло.

Лин Цзыхань чувствовал страшную усталость, но это был редкий шанс покинуть здание, и упускать его было нельзя. Собрав последние силы, он устроился в кресле.

Тут Хайнц наконец заметил, что вошедший — не рядовой подчинённый, а Джек. Он отпустил Антино, медленно выпрямился и с улыбкой спросил: «Вернулся, Джек?»

Джек мрачно кивнул.

Хайнц сделал вид, что не замечает его настроения, и лишь участливо поинтересовался: «Тяжело пришлось? Всё улажено?»

«Угу», — Джек, видя его беспечность, тоже счёл неуместным раздувать из мухи слона. Напряжение с его лица спало, и он равнодушно добавил: «Всё прошло гладко».

«Отлично», — обрадовался Хайнц и подошёл к креслу Антино. «Пойдёмте, выпьем чаю. Джек, присоединяйся».

«Хорошо», — коротко бросил Джек и, катя кресло с Лин Цзыханем, последовал за ними.

Лин Цзыхань откинул голову на спинку, медленно открыл глаза и уставился в пространство перед собой.

Они вышли через боковую дверь малого терема, прошли по длинной, изящно отделанной галерее и оказались у деревянного домика посреди леса.

Место было живописным: с одной стороны — горы, с другой — вода. Перед домом стояли белоснежные стол и шезлонги, а вокруг простиралось море цветов, ослепительное в своей красоте.

Подойдя к столу, Хайнц и Джек уселись в кресла. Тут же из дома вынесли разнообразные чайные принадлежности.

Антино озабоченно сказал: «Джонни нельзя ничего возбуждающего. Дайте ему тёплой чистой воды».

«Слушаюсь», — почтительно ответил слуга, поставил перед Лин Цзыханем чашку и налил горячей воды.

Хайнц и Антино заказали красный чай, Джек — пиво.

Лин Цзыхань смотрел на озеро и холмы на том берегу. За этими холмами, окаймлявшими озеро, синело море.

В мире царил абсолютная тишина. Солнечные лучи пробивались сквозь виноградные лозы над их головами, рассыпаясь причудливыми бликами. Вокруг, невидимые, несли охрану множество людей, но в воздухе не чувствовалось ни малейшего напряжения. Четверо сидели за столом, и атмосфера казалась мирной и гармоничной.

Антино немного полюбовался пейзажем, затем перевёл взгляд на Лин Цзыхана.

Тот слегка повернул лицо, подставив его тёплому солнцу, и в уголках его губ медленно проступила лёгкая, безмятежная улыбка.

Антино тоже улыбнулся.

Хайнц, увидев его улыбку, сразу же оживился, придвинулся ближе и спросил: «Джонни, наверное, можно считать твоим первым удачным творением?»

«Пока рано об этом говорить», — с холодной рассудительностью ответил Антино. «Хотя прогнозы обнадеживающие. Мы с экспертами всё это время обсуждали: нельзя ограничиваться только клиническими испытаниями, нужна и психологическая поддержка. Например, необходимо, чтобы Джонни испытывал положительные эмоции».

Хайнц внимательно слушал. Антино говорил об этом так же отстранённо, как о подопытном животном. Это его успокаивало.

Пылкий взгляд, которым Антино смотрел на китайца, всегда вызывал у Хайнца тревогу. Теперь он понял: тот смотрел на него как на драгоценный трофей, уже ставший произведением искусства. Наверное, с тем же восторгом, с каким их предки созерцали сокровища в чужеземных музеях.

Джек наблюдал за ними. В душе бушевали сложные чувства, но лицо оставалось безучастным. Он лишь молча, большими глотками, пил пиво.

Антино разглядывал спокойные черты Лин Цзыхана. Крайнее истощение заострило скулы и подбородок, шея казалась невероятно длинной, бескровные губы оттеняли прямой нос и изящные брови. Бледное лицо в мягком золотистом свете солнца напоминало ангела, чуждого мирской суете.

Он тихо сказал Хайнцу: «Самое ценное в Джонни — чистота его мыслей. Если в сердце человека сильны страсти, разум полон посторонних мыслей. Это всё равно что добавить примеси в чистую воду — для тончайших манипуляций она уже не годится. Джонни, несмотря на возраст, остаётся незамутнённым — большая редкость. Думаю, это может быть связано с их восточными духовными практиками».

Хайнц согласно кивнул: «Да, его душа — как у ребёнка. Причём у очень хорошего ребёнка».

Джек допил банку пива и тут же открыл вторую.

Хайнц протянул руку и придержал его за локоть, заботливо заметив: «Не торопись, пей помедленнее».

Услышав его мягкий голос, Джек почувствовал теплоту в груди, и на душе стало легче. Он улыбнулся, кивнул и поставил банку на стол.

Под тёплыми солнечными лучами Лин Цзыхань почувствовал, как ноющая усталость в теле понемногу отпускает. Он открыл глаза, сделал глоток воды из чашки на столе, затем спокойно устремил взгляд на далёкое море.

Рыбацкие лодки всё ещё ловили тунца. Отсюда они казались крошечными игрушечными моделями, застывшими на гладкой поверхности воды.

Спустя некоторое время он медленно повернул голову к человеку в инвалидном кресле и с предельной вежливостью спросил: «Прошу прощения, как мне к вам обращаться?»

Тот, кто выглядел болезненным и немощным, радостно улыбнулся и протянул руку: «Можешь звать меня Антино».

Почти две недели ожидания — и наконец Ло Хань и остальные увидели на мониторе фигуру Лин Цзыхана.

В тот же миг Вэй Тяньюй, Мерлин и Чжао Цянь, только что сменившиеся с дежурства и отдохавшие, вскочили и стремглав бросились к экрану.

Семеро столпились перед монитором, волнуясь, глядя на знакомый силуэт.

<http://bllate.org/book/16287/1468660>